

зани“ в обычном значении — кляча, лошаденка; „дарь велѣл вывести свои лошади царския; говорят калики переходя: лутче тѣх шкап в Кѣеве и простые лошади“ стр. 24. В тексте XVIII в., более близком к тексту XVII в.,¹ также находим слово „шкапа“: „что изговорить ильа муромѣць: у нас во градѣ Киевѣ у простых людей лутче шкапы етѣхъ, что вы нам кажете, а во градѣ киевѣ на богатырских коней пристрашно и смотреть“ А. 113. В так называемом Буслаевском тексте нет этого слова, так как выпущен эпизод с показом царских лошадей (показывают только богатырских лошадей). Оба текста дают его в конструкциях живой разговорной речи. У Срезневского в „Материалах...“ слова „шкапа“ нет, а в картотеке Древне-русского словаря ИРЯ АН СССР имеется только одна цитата с этим словом из „Сказания“.

Откуда попало слово в „Сказание“? в результате польского влияния, как утверждает А. В. Позднеев,² на основании слова „шкапа“, датирующий „Сказание“ 1610—1620-м годами? В записях былин XVII в. часто встречаются слова, отсутствующие в других письменных памятниках, и обычно это слова живого разговорного языка. Из живого разговорного языка попало в „Сказание“ и слово „шкапа“. О его употребительности и понятности в живом языке говорит и текст XVIII в., в котором оно стоит в другой фразе. Но понятно и известно это слово было гораздо раньше XVII—XVIII вв. В Псковской I летописи под 1471 г. мы находим слово „шкабат“ с тем же значением: „Приеха князя великого бояринь..., а с ним человек 100, повѣстуйа: приѣхав, сказывается, отъ великого князя силы; и привезе съ собою *шкабатов*, *клячь Новгородскихъ*, съ княю полону, и всѣ Псковичемъ распрода, а друзии по волости“.³ Приведенная цитата говорит об употреблении слова „шкапа“ — „шкабат“ в Пскове и Новгороде. Кроме Псковской летописи и „Сказания“, в других памятниках это слово не встречается. Но слово „шкапа“ или „шкаба“ широко известно в современных говорах: оно отмечено у Даля, в „Опыте областного словаря“, в словаре Бурнашева, Миртова, в различных диалектных записях (Смоленских, Псковских, Донских, Украинских, Воронежских, Терских, Кубанских и других). Поэтому едва ли можно сомневаться в том, что мы имеем дело со словом диалектным и очень старым.

Слово „шата“, как имя собственное для богатыря, есть только в тексте „Сказания“ XVII в., в двух текстах XVIII в. оно заменено в одном случае именем „Глапит“, в другом — „Глазыничь“. Слово „шата“ — польское *szata* — платье, одежда, плащ, встречается в нашей письменности редко и в памятниках западно-русских. Одно из употреблений мы находим в Густинской летописи под 1505 г., другое в „Записи о Ржевской дани“ после 1479 г.; „И тои Бурець шаты обралъ, шубу кунью взялъ за осмь копъ“;⁴ „Во первых вьнегда Татарский посель до Москвы приѣха, тогда самъ князь со всѣми своими бояры должен баше противу ему изыти пѣшо на милоу, безъ шаты“⁵

Позднее с этим словом мы встречаемся уже в XVIII в. в „Записках“ Порошина. Очевидно, только на западе — в Псковской или, что менее вероятно, Новгородской земле мог быть герой „Шата Елизыничь“ (имя дано по тому же типу, что седьмому богатырю, которого зовут „белая

¹ Рукописный сб. № 1. 27. 105, находящийся в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

² Старинная русская повесть. Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 175.

³ Псковская I летопись. — Полн. собр. русск. летописей, т. IV, СПб., 1848, стр. 240. См. цитацию у Срезневского, „Материалы“, т. III, стр. 1596

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XI, стр. 233, см. цитацию у Срезневского, т. III, стр. 1583.

⁵ Сборник Муханова, № 29, СПб., 1866.